

Ставцева Евгения Михайловна

ЧЕЛЯБИНСК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ. ОБРАЗ ГОРОДА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье представлены наблюдения за трансформацией образа Челябинска в наследии российских писателей, среди которых произведения Д. Н. Мамина-Сибиряка, А. И. Приставкина, А. Солженицына и других авторов. Исследование построено на материале, охватывающем обширный период времени: от резко негативных характеристик, присущих первым упоминаниям о городе, к возвеличиванию города-героя, свойственному советскому периоду развития литературы, и последовавшей резкой смене парадигм, произошедшей в 1990-х годах и отразившейся в формировании образа города-тупика.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/11-1/10.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 11(77): в 3-х ч. Ч. 1. С. 41-44. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

5. Загидуллина М. Ремейки, или Экспансия классики [Электронный ресурс] // НЛО. 2004. № 69. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/69/za13.html> (дата обращения: 17.07.2017).
6. Золотонос М. Игра в классики: римейк как феномен новейшей культуры // Московские новости. 2002. 27 августа.
7. Клад С. Медный кувшин старика Хоттабыча. М.: Захаров, 2006. 288 с.
8. Кристева Ю. Жест: практика или коммуникация? / пер. с франц. Б. П. Нарумова // Кристева Ю. Избранные труды. Разрушение поэтики / сост. Г. К. Косиков. М.: РОССПЭН, 2004. С. 114-135.
9. Леушина О. В. Мотивика романа Ф. М. Достоевского «Идиот» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7 (73): в 3-х ч. Ч. 2. С. 30-32.
10. Любимцева Л. Н. Драматургические ремейки в русской литературе конца XX – начала XXI веков: к вопросу о типологии жанра // Восточнославянская филология: сб. науч. тр. / ред. С. А. Кочетков и др. Горловка: Изд. ОО ВПО «ГИИЯ», 2016. Вып. 2 (26). Литературоведение. С. 116-121.
11. Михайлов Ф. Идиот. М.: Захаров, 2001. 429 с.
12. Нефагина Г. Л. «Ремейк» в современной русской литературе // Взаимодействие литератур в мировом славянском процессе (проблемы теоретической и исторической поэтики): материалы Международной научной конференции. Гродно: ГрГУ, 1996. Вып 2. С. 142-149.
13. Петрова М. В. Римейк как социокультурный феномен // Ярославский педагогический вестник. 2009. № 3. С. 165-169.
14. Римейк [Электронный ресурс] // Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов. СПб.: Паритет, 2007. 320 с. URL: http://literary_criticism.academic.ru/319/римейк (дата обращения: 17.07.2017).
15. Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI-XIX вв.). М.: Гнозис, 1994. 240 с.
16. Черняк М. А. Феномен массовой литературы XX века: монография. СПб.: Изд-во РГГУ им. А. И. Герцена, 2005. 240 с.

ARTISTIC AND LANGUAGE ARRANGEMENT OF LITERARY REMAKE

Sirivlya Madina Aleksandrovna, Ph. D. in Philology
Chelyabinsk State University (Branch) in Kostanay, Kazakhstan
sima-all@yandex.ru

The paper examines the features of existence and development of remake and its textual arrangement. In the course of the comparison of original and remake texts the parameters were identified according to which a literary work can be called remake. Among the considered parameters the following ones are significant: the correspondence of the title, the genre, the language, the author's presence in the text, the main characters, the place of action, the sequence of events and the dialogue with the creator of the original work. F. Mikhailov's remake "Idiot" is an indicator of wide interest in F. M. Dostoyevsky's novel and its relevance.

Key words and phrases: remake; classical novel; genre; intertextuality; modernization; F. Mikhailov; F. Dostoyevsky.

УДК 82.0; 82-1/9

В статье представлены наблюдения за трансформацией образа Челябинска в наследии российских писателей, среди которых произведения Д. Н. Мамина-Сибиряка, А. И. Приставкина, А. Солженицына и других авторов. Исследование построено на материале, охватывающем обширный период времени: от резко негативных характеристик, присущих первым упоминаниям о городе, к возвышению города-героя, свойственному советскому периоду развития литературы, и последовавшей резкой смене парадигм, произошедшей в 1990-х годах и отразившейся в формировании образа города-тупика.

Ключевые слова и фразы: история литературы; Челябинск в русской литературе; городское пространство; Д. Мамин-Сибиряк; А. Приставкин; А. Солженицын; В. Бианки; И. Золотусский; М. Чудакова.

Ставцева Евгения Михайловна

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск
s2485811@ya.ru

ЧЕЛЯБИНСК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ. ОБРАЗ ГОРОДА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Первое упоминание о Челябинске и челябинцах в русской литературе можно встретить в сборнике «Сибирские рассказы» (1891 г.) Д. Н. Мамина-Сибиряка, который дал довольно жёсткую и лаконичную характеристику городу. Так, в очерке «Ночевка» он описывает его как небольшой уездный городок Оренбургской губернии с присущим ему атрибутивным колоритом: дороги, стоянки торговых караванов и шумящий разношерстный люд разных национальностей и возрастов. Конечно, для современного читателя он необычен этим, поскольку не несёт в себе семантики провинциальной размеренной жизни, а находится в постоянном движении: все постоянные дворы «как будто заколдованы», – отмечает писатель, – нельзя никак найти места для ночлега.

Он невысокий, приземистый, еще славный не металлургией, а лучшими в Зауралье дорогами, полноводной и широкой рекой «Мясом» и хлебным промыслом [6]. Но только нет в этом городе гостеприимства – «не очень-то челябинцы жаждут приютить столичного путника на ночлег» [5]. Долгое описание препирательства кучера Андроньча с хозяйкой постоялого двора и просьбы пустить на постой завершаются триумфальным

и комичным въездом в невероятно грязное место, вряд ли предназначенное для проезжающих гостей [6]. Эту яму и описывает автор, отталкиваясь в том числе и от толкования топонима «Челяба», что в переводе с тюркского имеет то же значение (так, В. В. Поздеев предлагает следующий перевод топонима: «чале» – яма, овраг, ложбина, долина, впадина, а «б» – речка; Р. Х. Бадретдинов склоняется к тому, что в переводе с башкирского «силяба» означает впадину, яму [2]). Точные детали препарировать город, выворачивая наружу его неприглядной стороной: здесь и ольфакторные детали – неприятные звуки, хамоватые крики грубых хозяек, окрики сторожей-проныр, а также запахи неубранных дворов, по колено в навозе, и мухи в чае.

Примечательно, что в одной из рубрик «Уральской недели» за 1919 год есть очерк о местном быте и укладах (автор не указан), где городок Челябинск также предстает в довольно нелестном виде, а река напоминает отхожее место, несущее в своих вонючих водах смерть: «Все эти вопли (жалобы на грязную воду) остались воплями. Вопли эти направлялись “по адресу” в гор. думу, но она обладает драгоценным свойством – терпением, “дейтельно” отмахиваясь и, кряхтя, попивала чаек из пузатых самоваров из той же мерзопакостной и нездоровой водицы...» [5]. Семантика места предстает здесь также в исключительно негативной палитре, а сам город становится образом огромной помойки, перевалочным пунктом отребья, не заботящегося о том, что оно оставляет после себя, городом, отданным на растерзание пришлым людям, погибающим в мусоре и нечистотах.

Этот ставший классическим образ нечистого города был позже дополнен А. Солженицыным. Своеобразное видение города как перевалочной станции писатель дал, изобразив его в одной из глав «Аргипелага ГУЛАГа» (1967 г.). Перед читателем предстает не сам провинциальный городишко зимы 1943-1944 гг., а только вокзальная станция – холодная, глянцево-серая, грязная, отражающая безжалостность, равнодушие жителей, являющихся его лицом (в прямом и переносном смысле).

Лежащие «в хлопчатобумажных одежонках» на холодном промозглом бетоне вокзала репрессированные заключенные не вызывают жалости у своих конвоиров: ни яростно флиртующий «упитанный» милиционер, ни стоящая рядом «женщина в ватнике» не обращают на них внимания, даже не пытаются облегчить страдания этих людей [9]. Автор подчеркивает ощущение тотального холода (и как физически ощутимое состояние окружающего мира, и как метафорический компонент в фокусной прорисовке образов местных жителей-челябинцев), присущего городу, ведь местная полиция не дала все-таки прохожей помочь арестантам. Люди здесь становятся «носителями» города, его символики и атрибуты, срастаются с городом в единое целое. Солженицын показывает это при помощи емкого штриха – одной говорящей детали одежды, которая не могла бы появиться на жителях ни в одном другом городе большой страны: это автопокрышки, служащие обувью челябинцам и примотанные к ступням босых ног проволокой («электрическим шнуром»). Так трансформируется образ «знаменитого ЧТЗ», буквально срастаясь с жителями города, становясь их неотъемлемой частью.

Примечательно, что образ Челябинска, аккумулируемый в образе вокзала (как «двери» города, обуславливающей первое впечатление), является одним из ярких воспоминаний А. И. Приставкина, зафиксированных в его первом рассказе «Человеческий коридор» [4]. Рассказ автобиографичен и описывает, как их, голодных и изможденных долгим переездом детдомовских детей, эвакуируемых из «темной суровой Москвы» в Сибирь, смогли накормить в челябинской вокзальной столовой только благодаря тому, что столь же изголодавшиеся взрослые беженцы выстроились в коридор, пропуская ребят к свету, теплу и жизни. Этим гуманистическим настроением пропитано все повествование: «маленькая трещинка», расколовшая толпу озверевших от голода «чачоточных» взрослых, будто по волшебству превратилась не только в коридор – «качающийся, живой, трудный» – к еде для изголодавшихся ребят, но и стала символизировать их дорогу в будущее, как и сам жизненный путь. Яркая деталь характерна для этого описания: ослепительный нестерпимый свет – свет, ассоциирующийся с безопасностью и жизнью (ведь на всем пути следования в Сибирь ребята не видели освещенных станций – их могли обнаружить и начать бомбить). Свет – значит безопасность. Очевидно, что здесь Челябинск предстает в совершенно противоположной коннотации: он оказывается символом тепла, защищенности, света и жизни. И люди становятся носителями надежды на будущее, невероятного единства и человечности.

В таком же ключе позитивной оценки рисует Челябинск российский писатель и историк литературы И. Золотусский в книге повестей «Пока мы вместе», датированной 1971 годом. В произведениях, вошедших в сборник, он предстает как суровый уральский город, созидатель и мощный – рабочий и военный. Здесь так же, как у А. Солженицына или А. И. Приставкина, Челябинск рисуется всего лишь несколькими штрихами, и автор также выбирает для этого емкую метафору – вокзал (примечательный образ города семи дорог, перевалочный пункт, вечно движущийся и шумный). Вокзал показан глазами героев книги – эвакуированных из сибирского детского дома мальчишек. Южноуральская столица манит одного из них шансом убежать на фронт, добраться до места боевых действий вместе с новеньким танками, которые делают именно в этом славном городе. А потому не удивительно, что еще одной ключевой метафорой города военного периода становится завод: «Не город, а большой завод. Во все стороны трубы, трубы, трубы... И столько дыма, что, кажется, не тучи, а дым висит над городом. И падает из него грязный снег. <...> А еще полно военных. А еще в Челябинске делают танки» [3, с. 74]. Эти произведения стали одними из первых, где парадигма презентации города изменилась – появились скупые нотки возвеличивания города, любования Челябинском, чего до этого периода литература не знала.

Челябинск революционный, военный, как и Челябинск заводской, рисуются многими российскими писателями. Среди таких можно назвать Б. С. Ицына (повесть «Подрутки», 1937 г.), Ю. Н. Либединского («Воспитание души», 1962 г.), Ю. М. Рязанова («Ястребок героя», 1986; «Родник у дома», 1978 г.; «Замазка», 1986), Ю. П. Мориц («Рассказы о чудесном», 2008 г.) и других. Все произведения объединяет нежное

отношение к городу, его жителям, детям, патетический подъем, описание трудового подвига простых людей и ожидание лучшего будущего. Это и любовное описание увиденной с высоты птичьего полета «реки-спичечки», у которой громадным жуком расположился «город заводов» (В. В. Бианки «В гостях у челябинцев» (рассказ «Над землей»)), и мальчишеские «разведывательные» экспедиции к корпусам секретного завода, где делают «оргстекло для танков» (Ю. М. Рязанов «Ястребок героя» (рассказ «Замаска»)), и повествование о ежедневном подвиге горожан, не только работающих на износ на «секретных» заводах, но и живущих там, в их «недрах» – в «секретных комнатках», куда ходить нельзя даже близким и куда принимают скудные «передачи» и «записки, что все хорошо» (Ю. П. Мориц «Рассказы о чудесном»).

Необходимо отметить, что в русской литературе советского периода мифологема «Челябинск – Танкоград» становится устойчивой и ключевой, присущей советскому периоду развития литературы. Сам город рисуется устремленным в будущее, обретшим естественное движение вперед. В литературе вместо статичных образов, аккумулирующих в себе семантику смерти и затхлости, появляются образы жизни, радости, надежды, труда. Современный культуролог Л. Р. Мусина, занимающаяся в том числе осмыслением репрезентации Челябинска в текстах художественных произведений, отмечает, что литературе периода 1940-1950-х гг. в целом свойственно видение города, близкое к патетическому возвеличиванию: «Многое в понимании образа Челябинска этих годов идет от мысли о честном, смелом городе-труженике с мощным производственным потенциалом» [7, с. 62-63]. Челябинск рисуется в пафосном героическом облике, на время в текстах вроде бы исчезают негативные оценки, либо старательно нивелируются флером душевного подъема и радостных ожиданий. Однако если в предшествующие периоды развития литературы образ города трактовался в одном ключе, то для современной литературы, воссоздающей художественный облик Челябинска, характерно появление полярных мифов, которые условно можно разделить на два лагеря. С одной стороны – писатели, создающие репрезентативный образ города, нарисованный в позитивных тонах, пропитанный собственной рефлексией, воспоминаниями (К. Шишов, Р. Старовойтова, А. Середа), с другой – город мертвый, несущий опасность всему живому, город-призрак, населенный людьми-куклами (М. Чудакова, Д. Бавильский, Н. Болдырев, И. Андрощук).

Вместе с изменением облика города меняется и символика дома, образы жителей. Теперь это больные люди, влачащие жалкое существование, живущие в грязи и неустроенности. Яркой иллюстрацией в данном случае может послужить книга М. Чудаковой «Дела и ужасы Жени Осинкиной» (2005 г.), в которой одна из глав так и называется «Челябинск» [12]. Знакомство с городом – это знакомство с грязью, пылью, тупиковыми улочками, где ничего не растет, спившимися жителями, безразличными прохожими, старающимися не замечать неухоженности и грязи вокруг, калекami, «никогда не мытыми» детьми. Не только город, но и его живой лик – люди – предстают в изувеченном виде: во дворах не просто все серо, уныло, но, как с грустью отмечает автор, изломано, «загажено», «искорежено», и по этим дворам и кособоким улочкам ходят калеки («обрубки»), которых благополучная девочка Женя видела в таком количестве разве что в московских переходах метро. Полярная смена художественного образа города, произошедшая в 1990-2000-х гг. в литературе, является прямым отражением облика города реального. Сегодня среди знаковых текстов, ставших основой для создания художественной мифологемы Челябинска современного периода развития литературы, можно выделить сборники «Лицо души» (1980 г.), «Городской романс» (1996 г.), «На озерном Урале» (2002 г.), «Старица» (2006 г.) и некоторые другие. В настоящее время очевидна тенденция к возвращению образа больного и изжившего себя провинциального городка, где уже нет прежнего строительства, многих заводов, а жители физически ощущают холод, неприкаянность и болезнь (как психический недуг, так и физическую немощь). Река, разделяющая город на две части, становится символом смерти, как мертвая река Лета. В письме российских писателей появляются апокалиптические нотки, поддерживаемые авторами-челябинцами. Наиболее активное мифотворчество, репрезентативно создающее образ современного Челябинска, можно проследить в прозаических текстах К. Шишова, рисующего промышленный Челябинск, Р. Старовойтовой, романтизирующей город и наделяющей улочки личностными ориентирами, Н. Болдырева, создающего философский образ холодного обветшалого города праздных людей, таких же одиноких и неустроенных, как и пространство, которое они заполняют; примечателен также город-миф А. Середы, И. Андрощука, К. Рубинского, Д. Бавильского, заново создающих городское пространство в кафкианском ключе [10].

Благодаря представленному анализу можно сделать вывод, что образ Челябинска, репрезентованный российской литературой, претерпел несколько ступеней трансформации: будучи патетически возвеличенным в советский период развития литературы до города-героя, сегодня он возвращается в символические рамки мертвого и грязного города-тупика, заданные некогда Д. Н. Маминим-Сибиряком. Этому городу оказывается присуща профанация жизненного движения. В заключение приведем высказывание Т. Н. Марковой, констатирующей, что сегодня в прозаических текстах можно встретить не только устоявшиеся образы провинциальной «Челябы», «Танкограда», но появляются такие авторские топонимы, как «Селявинск» (И. Андрощук), «Чердачинск» (Д. Бавильский), а также своеобразно отражающий криминальное неблагополучие «Чикагинск» [8]. Образами города оказываются не только «котел народов», «опорный край державы» и «крупный промышленный центр», но и «яма», «окраина», «тупик», «подвал» и другие. Все перечисленные коннотации образуют противоречивые представления о Челябинске. Таким образом, можно констатировать весьма ощутимый вектор формирования мифа Челябинска с отчетливым присутствием мистификации пространства, берущей основу в том числе и в городских «страшилках». В свою очередь, они более чем активно эксплуатируются литературой, создавая неоднозначный художественный образ города, все более уводящий читателя в область мистики «нехороших мест».

Список источников

1. **Белковский С.** Центр – исторический портрет на фоне города [Электронный ресурс]. URL: <https://mediazavod.ru/authors/sergey-belkovskiy/tsentr-istoricheskiy-portret-na-fone-goroda/> (дата обращения: 17.08.2017).
2. **Где в Челябинске яма?** [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.by/chapter.php/1034427/17/Gorodskoy_gomans.html (дата обращения: 11.08.2017).
3. **Золотусский И.** Пока мы вместе: повесть. М.: Детская литература, 1971. 144 с.
4. **Капитонова Н.** Челябинск в детской художественной литературе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.choddb.ru/upload/Книги/Челябинск%20в%20дет.лит.pdf> (дата обращения: 17.07.2017).
5. **Ляшенко Е. Е.** Край ты мой челябинский. Челябинск в творчестве писателей [Электронный ресурс]. URL: http://kraeved74.blogspot.ru/2016/09/blog-post_26.html (дата обращения: 14.07.2017).
6. **Мамин-Сибиряк Д. Н.** Ночевка [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/m/maminsibirjak_d/text_1891_pochevka.shtml (дата обращения: 17.07.2017).
7. **Мусина Л. Р.** Образ города в зеркале художественного дискурса (к вопросу об идентификации челябинского текста) // *Lingua mobilis*. Серия: Литература. Литературоведение. Устное народное творчество. 2010. № 2 (21). С. 62-64.
8. **Патригеев А.** Челябинск, Чердачинск, Чикагинск... [Электронный ресурс]. URL: <https://vecherka.su/articles/society/127770/> (дата обращения: 16.07.2017).
9. **Солженицын А.** Архипелаг ГУЛАГ [Электронный ресурс]. URL: <http://knijky.ru/books/arhipelag-gulag> (дата обращения: 16.07.2017).
10. **Ставцева Е. М.** Становление мифологемы Челябинска в современной южноуральской прозе // *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. 2016. № 8. С. 192-200.
11. **Челябинск поэтическим пером** [Электронный ресурс]. URL: http://vokrugknig.blogspot.ru/2016/03/blog-post_21.html (дата обращения: 17.07.2017).
12. **Чудакова М.** Дела и ужасы Жени Осинкиной: сборник [Электронный ресурс]. URL: https://bookz.ru/authors/marietta-4udakova/dela-i-u_324/page-5-dela-i-u_324.html (дата обращения: 17.08.2017).

ARTISTIC CHELYABINSK. THE CITY IMAGE IN RUSSIAN LITERATURE

Stavtseva Evgeniya Mikhailovna

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk
s2485811@ya.ru

In the article the observations of the transformation of the image of Chelyabinsk in the heritage of the Russian writers, among them in the works of D. N. Mamin-Sibiryak, A. I. Pristavkin, A. Solzhenitsyn and other authors, are presented. The research is based on material covering a vast period of time: from the sharply negative characteristics inherent in the first mentions of the city, to the glorification of the hero city peculiar to the Soviet period of literature development, and the subsequent sharp change in the paradigms that occurred in the 1990s and influenced the formation of the image of the city-deadlock.

Key words and phrases: history of literature; Chelyabinsk in Russian literature; urban space; D. Mamin-Sibiryak; A. Pristavkin; A. Solzhenitsyn; V. Bianki; I. Zolotussky; M. Chudakova.

УДК 821.352.3

В статье впервые проводится исследование историософии адыгской (кабардинской) поэзии на примере анализа романа-дневника «Белое золото и уголь» Хабаса Бештокова. Основное внимание уделяется художественному осмыслению конкретной исторической эпохи – периода Кавказской войны и выселения адыгского народа. Изучаются мотивы поэтической рефлексии Х. Бештокова на тему исторической памяти народа. Основным результатом представленного исследования является выявление доминирующих мотивов и символов поэзии о Кавказской войне, в частности, в анализируемом романе-дневнике.

Ключевые слова и фразы: поэзия; рефлексия; историософия; роман-дневник; художественное осмысление; проблема ассимиляции; образ-символ; этноментальный код; Х. Бештоков.

Хавжокова Людмила Борисовна, к. филол. н.Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского
научного центра Российской академии наук, г. Нальчик
lyudmila-havzhokova.86@mail.ru**Жемухова Радима Ахъедовна**Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова, г. Нальчик
lyudmila-havzhokova.86@mail.ruИСТОРИЧЕСКИЕ РЕФЛЕКСИИ АДЫГСКОГО НАРОДА
В РОМАНЕ-ДНЕВНИКЕ ХАБАСА БЕШТОКОВА

В адыгской поэзии конца XX – начала XXI века нашли отражение все сферы этнокультуры адыгов: особенности характера, нравы, моральные и психологические устои этноса, народные культы и обряды, символика